

ПЕРСОНАЛІЇ

ВАНДЫШЕВ В.Н.

**ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА:
НА ПУТИ К ДУХОВНОМУ УЕДИНЕНІЮ**

В статье рассматриваются мировоззренческие взгляды выдающегося украинского философа Григория Сковороды.

В самом начале знойного лета 1769 года, прекратив свою учительскую миссию, ушел Григорий Саввич в глубокое уединение. Недалеко от Харькова, в месте, называемом Гужвинское, расположился он, желая приступить, наконец, к главному делу своей жизни. Названное место находилось в поместье Земборских, которые были настроены в отношении учителя весьма доброжелательно.

На сочувственные слова самого В.М.Земборского, огорченного тем, что Григорий Саввич окончательно решил отказаться от преподавания, что решил отойти в уединение, Сковорода заметил:

- Василий Михайлович, друге мой, не переживай так и не огорчайся. Пойми, самые темные внутренности есть то бездна дум наших, вод всех она шире и небес. Хоть и мал внутренний мир наш, невидим и неприступен, а однако же управляет он нами и движет нашу плоть. И подчиниться порывам его должно.

- Так-то оно, так, Григорий Саввич, но ведь многие добрые дела свершил бы ты еще на ниве преподавания.

- Возраст мой - это время подведения итогов, вкушения плодов от работы своей прежней. Вот ныне я и стану подводить итоги, одену мысли своя в крыла веры и любви божией. И спасибо тебе за приют. А пребывать я пока буду на пасеке, хатка там вельми пригожая...

Так началась работа над первым философским трактатом "**Наркисс**". Подзаголовок же работе дал Григорий Саввич: "**Разглагол о том: узнай себе**".

Писалось ему легко. Мысли споро ложились на листы бумаги. Спокойное состояние души не нарушали ни страсти, ни суета, ни пустые разговоры о сиюминутном, о преходящем. При всяком удобном случае Василий Михайлович Земборский старался скрасить его одиночество. Однако скоро он выучился чувствовать насколько уместно его присутствие, приятна ли нынче его компания уединившемуся.

Однажды, посетив Григория Саввича теплым июльским днем, он приятно был обрадован тем, что перебрав исписанные листки, философ подал ему несколько, испросив его мнение о написанном. Пока Земборский старательно вчитывался в текст, наслаждаясь красивым разборчивым почерком, отшельник прогуливался под сенью больших деревьев.

- Прочитал я, Григорий Саввич, но думаю, что надобно мне объяснять многое. Трудна для меня сия грамота.

- А что более всего трудно? - спросил Сковорода.

- Так дал же ты мне отрывок про истинного человека, про воскресение. Вот ты пишешь: “Довольно надивиться не могу, если всяк человек, так родится, что не может и сего понять, что такое есть старость и юность, если не будет другой раз свышше рожден”. Думается мне, что прожив жизнь, войдя в возраст, способен думающий человек поразмыслить по крайней мере, что есть юность, да и сравнить ее со своим нынешним положением. Но как это можно родиться человеку другой раз?

- Вот, вот, Василий Михайлович, в другой раз, истинно говорю, родиться человеку не дано иначе как свыше.

- Ну, так ведь мы и рождаемся по воле Божией, по воле высшей, - заметил Земборский. - А другой раз родиться нам не дано!

- По воле высшей и свыше, - не одно это. Да, однозначно не дано, но если человек понял, что он несовершенен, если он осмыслил, что смерть и брение не одно и то же, тогда он жаждет воскресения!

- Однако, Григорий Саввич, чтобы воскреснуть, надо вначале умереть?! Не правда ли?

- Верно, глаголешь, хотя понимаешь, что телесно умерши, трудно рассчитывать на телесное же воскрешение, - улыбнулся Сковорода.

- Тогда, что же следует понимать под воскресением? - в недоумении переспросил Земборский.

- А понимать сие следует так: воскресение - это падшего пробудить и поставить на ноги. И Иисус, и Павел многожды говорят: “Востани, спяй, и воскресни от мертвых...”

- Значит, Григорий Саввич, выходит так, что вначале надо пробудиться; но ведь мы-то и спим не во все время. Взгляни, дел сколько людьми делается!

- Прекрасно, друге, Василий Михайлович! Вот и выстроилось у нас нечто разумное: вначале восстать от сна, пробудиться, потом умереть, потом родиться... Понимаешь меня?

- Не понимаю.

- В Евангелиях, если читать их с розмыслом, много раз найдешь, как там говорится о необходимости пробуждения: “... *бодрствуйте и молитесь...*”, “... *говорю всем: бодрствуйте*”. Часто найдешь и о потребности родиться. Говорит Учитель, свет наш божий, и о возможности умереть. Сложи все сказанное воедино, поразмысли.

- Трудную задачу задал ты, Григорий Саввич. Одно дело читать, другое дело понимать.

Внимательно посмотрев на собеседника, Григорий Саввич начал разъяснять ему свою идею. “Умереть” - это означает освободиться от множества ограничений и привязанностей, которые удерживают человека в его обычном положении. Ведь в своей обыденной жизни человек привязан ко множеству глупостей, к вещам, часто отождествляет себя с вещами и эмоциями, со страданиями.

Человек должен освободиться от этих привязанностей, от множества бессмысленных обязательств, которые он дает себе самому и другим. Как заставить умереть в себе *то, что берёт* на себя все эти обязательства?

Здесь Земборский прервал философа:

- Постой, вот как прикажешь понимать *то, что берёт*? Это душа человека?

- Нет, - это не душа! В человеке есть много маленьких человечков, каждый из которых в то или иное время, в той или иной ситуации чувствует себя хозяином всецелого человека, берет на себя обязательства от имени всего человека. А потом человек спрашивает себя: "Как я мог наобещать? Как я мог согласиться? Как я мог себе позволить такое?" Бывает с тобой, друг мой, такое?

- Я вполне понимаю тебя, Григорий Саввич, бывает и со мной такое, - согласно закивал головой Земборский.

- Поэтому у человека путь один - пробудиться, понять свою полную беспомощность, свое бессилие перед этими человечками, подчинить их себе всецелому.

- Как это можно сделать, Григорий Саввич? - в недоумении переспросил Земборский.

- А здесь не требуется особой философии. Надо понять свою жизнь на простых примерах и фактах из собственной жизни. Подобно Наркиссу надо посмотреть на себя со стороны, взглядеться в себя, узнать себя, а тогда человек увидит в себе много такого, от чего он придет в ужас. Вот тогда он и начнет пробуждаться.

- А потом необходимо умереть?

- Ну, до этого еще очень далеко. Когда человек решит отбросить от себя всё, что его ужаснуло, он увидит, что сделать того не может. Так он увидит и свое бессилие, и отсутствие в себе своего собственного, и то, что он всё "свое" достиг благодаря подражанию другим и заимствованию от других.

- Может так статься, что человек смирится с тем, что узнал, станет каяться и будет жить как прежде... - задумался Земборский.

- Да, бывают моменты прозрения у многих людей. Здесь уместно вспомнить притчу Христа о сеятеле. Но кто-то, действительно, начинает каяться, а потом кается по привычке, забыв, почему начал; другой забывает сразу же... Но мы не о тех говорим. Говорим мы о тех, кто начал постоянно осознавать свою беспомощность. Тогда такой человек обретает смелость "умереть". Означает это на самом деле, что человек решился отказаться навсегда и всерьез от такого в себе, что мешает собственному росту.

- Что это может быть, Григорий Саввич? - взволновался Земборский.

Сковорода задумался, внимательно рассматривая своего визави. Легкий ветер шумел в кронах деревьев, монотонно жужжали пчелы, откуда-то доносилось спокойное воркотание диких голубей. Наконец, он заговорил:

- Вот эти все маленькие человечки в нас, все эти ложные наши мысли о себе, всё это мешает жить нам. Мы мыслим свою особенность, верим в свою силу сознания сущего, думаем, что можем делать, что мы решаем что-то... Но какая нам польза в том, что имеем плоть и кровь, зная, что им должно опуститься во истление? И не есть ли мы разве всего-навсего мечта, сон, смерть и суета? Неужто суждено нам погибать без конца? - вот о чем думать должен разумный человек.

Земборский почувствовал настроение Сковороды и ничего более не спрашивал. Тот же, перебирая отобранные от гостя листы "Наркисса", прочитал:

“О премногобедственное ж наше состояніе, если все-на-все одно только есть тленное без вечности, если, кроме явнаго, ничего не имеется в нем тайнаго, в чем бы существо наше, как на твердом основаніи, задержалось, если всяческая суть суета и всяк человек живущій”.

- Но до этого, Григорий Саввич, ты говорил о том, как можно умереть? - недоумевал Земборский.

- Я и сейчас об этом говорю. Медленно пробуждаясь, делая постоянные усилия, человек может принять решение *умереть раз и навсегда*, - подчеркнул Сковорода. - Но прежде надо понять, что сон, в котором протекает наше бытие, - особенный сон. Мы живем, точно замороженные...

Внезапно Сковорода прервал свою речь. Он вслушался в свои собственные слова: “Сон, замороженные...” Сознание его прорезало воспоминание: Вена, 1748 год, известный в городе постоялый двор, ранняя весна, вечер, шумные немецкие и мадьярские компании за столами... И один незнакомец, который этим вечером также зашел на постоялый двор. Это был немолодой человек. Он сразу же обратил внимание на себя своим азиатским обликом, явно неевропейском покроем одежды, походкой и тем, как он держал себя. Нашёл свободное место на широкой скамье, положил циновку и, поджав под себя ноги, уселся за стол. В это время Григорий Саввич сидел в дальнем углу за столом и при колеблющемся свете массивных свечей что-то читал из Цицерона. Как и остальные завсегдатаи заведения, он обратил внимание на вошедшего; но это отвлекло его лишь на минуту и он снова углубился в чтение...

Земборский по изменившемуся поведению философа почувствовал, что надо уходить:

- Я, наверное, пойду теперь, отдохай, Григорий Саввич?

- Да, Василий Михайлович, иди. Что-то я притомился...

Земборский ушел, а Сковорода вновь вернулся к прерванной нити своих воспоминаний.

... Зачитавшись, задумавшись, Григорий не заметил, как постепенно кутилы разошлись на отдых. Подняв голову, он обнаружил, что в помещении остались всего несколько человек, да он с новым гостем, который, закрыв глаза и беззвучно шевеля губами, перебирал нанизанные на шнур деревянные бусы. Хозяин дремал за своим столом у буфета.

Спать Григорию не хотелось, и он начал внимательно рассматривать гостя. Тот открыл глаза, улыбнулся ему и положил бусы в свою походную сумку, всем своим поведением демонстрируя готовность познакомиться.

Сковорода приветливо кивнул “монголу”, как он для себя назвал незнакомца. Тот подошел, подал руку, они обменялись приветствиями, познакомились. Григорий, желая поддержать разговор, заметил:

- Вот читаю Цицерона “О старости”.

- Знаю я этот трактат, - заметил Хофуку. - Люди тяжело принимают мысли о старости, они нуждаются в ободрении, потому что никогда всерьез не думали о жизни.

Начался общий разговор о том, где бывали, что видели. В известной мере, упреждая вопрос Григория, как он оказался в центре Европы, Хофуку, не особенно вдаваясь в подробности, рассказал о своем странствии на

голландском паруснике из Индии в Испанию, откуда он перебрался в Италию. Слушал лекции по астрономии, теологии, философии и медицине у самых авторитетных профессоров в Болонье и Падуе; позже перебрался в Париж, где несколько лет изучал различные науки в тамошнем университете. Впрочем, восторга от европейской науки не испытал, ибо многое, почерпнутое в монастырских школах у себя на родине, Хофуку ценил выше:

- Более всего для меня неприемлемо то толкование личности и учения Иисуса Христа, которое распространено в европейской культуре. Вот ты сейчас перечитываешь книгу о старости, о состоянии человеческого бытия, которого боятся, как конца жизни. В этом смысле совершенно абсурдно распространенное толкование христианского учения о вечной жизни и о воскресении. Ошибка вашего восприятия времени состоит в том, что вы произвольно выпрямляете сразу несколько кривых линий: жизнь человека, жизнь человеческих сообществ, жизнь человечества как целого, жизнь Земли, жизнь Солнца. Европейская наука и культура вообще считают эти линии параллельными, более того - соизмеримыми, оценивая различного рода и значимости события в одних и тех же единицах времени.

- Я согласен с тобой, что время и вечность различны по сути, - заметил Григорий. - Но сотворенное Господом время протекает одинаково для всех творений Его, к числу коих в равной мере можно отнести и человека, и Солнце.

- Законы времени и вечности - это такие законы, которые не связаны с логикой. Для их изучения мало четырех действий арифметики, надо уметь постигать их иррационально, не апеллируя к "фактам"...

- Подожди, - перебил Григорий рассуждения Хофуку, - скажи мне, как ты понимаешь жизнь вечную, бессмертие, ибо ты ведешь, чувствую я, к этому?

- У нас принято говорить о том, что цель эволюции человеческой души - достижение состояния Брахмы, которое есть *Вечное Теперь*. С этой точки зрения душа человека, то есть внутреннее существо человека, внутреннее существование, временным вместилищем которого является тело, представляет собой искру Брахмы, семя Брахмы, которое, раскрываясь и развиваясь, может достичь состояния Брахмы точно так же, как жёлудь, прорастая и вырастая, становится дубом, принося, в свою очередь, подобные жёлуди.

Здесь Хофуку замолк, давая возможность Григорию высказаться. На какое-то время оба замолчали. В зале практически никого уже не оставалось, кроме них. Хозяин прошелся по залу, затушил свечи, оставив две, которые тусклым своим колеблющимся светом оживляли помещение, бросая по стенам и углам причудливые тени. Наконец, Сковорода прервал затянувшееся молчание:

- Думаю, что в последнем твоём рассуждении скрывается нечто нелогичное, даже, скорее, ошибка. Ибо если окончательное прибежище души есть Вечное Теперь, то почему ты говоришь фактически о некоем ряде, наподобие ряда прорастающих жёлудей?

Хофуку улыбнулся:

- Чудесно! Ты, я вижу, внимательно следишь за моей мыслью! Мало кто способен на такое...

- Не надо обо мне, - остановил его похвалы Григорий, - ты ответь по сути, ответь на моё возражение, так как аналогия с дубом, - можешь еще показать её и на бабочках и иных живых существах, - не содержит того состояния, которое ты подразумеваешь под "вечным теперь".

- Согласен, хотя ты действительно способен замечать противоречия и логические ошибки, - миролюбиво заметил Хофуку.

Они вышли на улицу, постояли под сенью раскидистой липы, потом присели на стоявшую у колодца скамью и Хофуку продолжил:

- В этой ситуации уместно сравнение Брахмы с рекой. Брахма триедин, а посему он является и её истоком, и самой рекой, а также и морем, куда впадает река. Капля воды в реке, которая возникла из источника, из Брахмы, хочет вернуться к Брахме. Брахма есть всё: он и река, и море, и исток. Однако вернуться к Брахме означает вернуться к истоку; ибо в противном случае, если капля удовлетворится одним философствованием и созерцанием собственных возможностей, она может сказать себе, что уже пребывает в Брахме, ибо Брахма есть всё: поскольку Брахма представляет собой реку, - она уже есть Брахма; коль скоро она движется вместе с рекой в море, которое тоже есть Брахма, она приближается к состоянию Брахмы. Но суть дела в том, что в этом случае капля всё более удаляется от истока; а Брахма - это исток!

Сказав это, Хофуку опять прервал свою речь, задумчиво всматриваясь в нависшие над ними тёмные предгрозовые тучи. Начал накрапывать дождь, и они поторопились вернуться в обеденную залу постоялого двора. Усаживаясь за стол, Сковорода заметил:

- Что же получается? Чтобы достичь единения с Брахмой, капля-душа должна вернуться к истоку?

- Да, должна вернуться к истоку, - поддержал его Хофуку. - Но как капле вернуться к истоку реки? Очевидно, только двигаясь против течения реки, против потока времени, ибо возвращение к источнику должно быть движением вспять, движением в прошлое, а не в будущее. Так возможно второе рождение, рождение свыше...

- Если я верно тебя понимаю, второе рождение - это возвращение из путешествия в будущее? - спросил Сковорода.

- В некотором роде так, - поддержал Хофуку. - Однако следует здесь различать будущее, настоящее и прошлое с точки зрения разных людей и разных времён.

- Конечно, конечно, - поддержал его Сковорода, - когда мы говорим о будущем, то это может быть лишь наше настоящее, но это - будущее для тех, кто более не жив уже. Поэтому капля-душа должна каким-то образом прилипнуть к прошлому, к тому времени, из которого она вышла ранее. И в таком случае, прилепившись, она будет знать то будущее, которого не могут знать те, кто только ещё пребывает в том настоящем, которое для вернувшейся души-капли есть уже не что иное как прошлое.

- Грегор, как хорошо ты понимаешь меня! - воскликнул Хофуку. - У меня складывается ощущение, что мы с тобой учились в одних монастырях, слушали одних и тех же гуру, выполняли одни и те же асаны, годами постились и медитировали рядом...

Но Сковорода уже не слушал тех славословий, которые раздавались в

его адрес. Он торопливо достал из своих сакв книгу, которую он любил более всех на свете, книгу, с которой он не расставался уже несколько лет. Он развернул Библию и сразу же нашёл то, что хотел:

- Послушай, Хофуку, - начал он. - Ты вспоминаешь своих гуру, но послушай и других: “И сказалъ Господь Моисею и Аарону на горе Орь, у пределов земли Едемской, говоря: пусть приложится Ааронъ къ народу своему” (Чис. XX, 24).

- И вот ещё, - пролистав Библию, добавил Скворода:

“Приблизилось время умереть Давиду, и завещал онъ сыну своему Соломону, говоря: вотъ я отхожу въ путь всей земли, ты же будь твердь и будь мужественъ” (III Цар. II, 1-2).

Буддист внимательно слушал Сквороду, делая вид, что вполне разделяет его восторг. Однако уточнил:

- Что ты хочешь сказать, Грегор?

- Хочу сказать тебе, спасибо, ибо ты помог понять мне те места из Книги, над которыми я многожды останавливался и задумывался. Есть в Библии и другие схожие места...

- Да, ты нашёл правильные места, ибо как раз в этом и состоит путь перевоплощений в прошлое. “Путь всей земли” - это её прошлое; означает это то, что Давид вступает во время, что он идет в прошлое. Ты понимаешь это?

- Да, теперь это я понимаю. Подобно этому и то, что говорил Господь Моисею и Аарону.

- Отчасти подобно, - возразил Хофуку, - потому что отойти в путь всей земли - это означает ещё и освободиться от бедствий настоящего времени. Думаю, что ты понимаешь, Грегор, что отмеченные тобою места касаются людей не ординарных, но патриархов, пророков и вождей народа?

- Конечно, “перевоплощение в прошлое” требует, чтобы человек пошел вспять основного течения жизни. Думаю, что это как-то связано со стремлением преодолеть зло, хотя не вполне пока это понимаю... - задумался Скворода.

- Если причина зла находится в прошлом, бесполезно искать её в настоящем, - заметил Хофуку. - Человек должен идти назад, отыскивать причины зла и уничтожить их. Но кто и как способен сделать это? Видя частичную возможность ослабить плоды зла, Иисус и требует осмысленного раскаяния, а посему выше ценит раскаявшихся грешников, нежели фарисеев и книжников.

Восприятие и интерпретации сложной темы на какое-то время заставили собеседников замолчать, каждый задумался о своём. Наконец, Хофуку заметил, что пора отдыхать. Видя, что он намерен расположиться спать на скамье, Григорий пригласил его к себе, в небольшую каморку, где они остановились с одним из работников посольства генерала Вишневого. Хофуку поблагодарил Сквороду за приглашение, но был категоричен в своём решении спать на голой скамье. Поднимаясь по лестнице, Григорий вслух, скорее для себя, обобщил суть состоявшегося разговора:

- Я понял, что есть “жизнь после жизни” и понял, что “есть жизнь после жизни”! И ещё я понял, что задача мудреца вовсе не в том, что надлежит менять жизнь, но созерцать, понимая, что нельзя изменить то, что должно

свершиться! Поэтому и воскреснуть можно лишь для жизни прошлой.

Хофуку, в свою очередь, улыбнувшись, поддержал его:

- Конечно, человек с сильной волей и в соответствующих условиях может изменить жизнь даже целых народов. Но обычно это долго не продолжается. А посему, истинному философу не следует уходить в суету сиюминутных событий, не следует привязываться к жизни!

На следующий день, проснувшись, Григорий Саввич точно воочию увидел перед собой улыбающегося Хофуку. И слова его:

- Не следует уходить в суету сиюминутных событий, не следует привязываться к жизни!

И вспомнилось Сквороде то, что память вчера не вернула. Точно что-то озарило его, и вспомнился вопрос свой, вспомнились слова свои, тогда, много лет назад, сказанные с сомнением на лестнице:

- Быть прохожим?!

Но Хофуку ничего ему тогда не ответил. А вопрос быстро почему-то забылся...

Пройдя по росистой траве к речушке, умывшись, послушав пение птиц, полюбовавшись на игру света в кронах деревьев, Скворода вернулся к домику и приступил к скромной трапезе.

Несколько времени спустя, находясь под влиянием вчерашних воспоминаний, начал перебирать пока немногочисленные исписанные листы своего "Наркисса". Общая картина работы виделась Сквороде, но отдельные части писалось легче, иные труднее. Легко получились два первых "Разговора о том: знай себе". Доволен был философ и "Разговором о истинном человеке или о воскресении", хотя после вчерашнего, неоконченного разговора с Земборским видел необходимость в поправках и дополнениях.

Он положил перед собой "Пролог". Просмотрел первый, второй, третий лист, остановился на четвёртом, едва начатом. Задумался над записанной им несколько дней тому фразой: "Он преобразуется во владыку всех тварей, в солнце". "Источник", "свет", "верующий", "человек", "солнце" - все эти понятия пытался он теперь выстроить в строгую логическую последовательность. Раскрыл Новый Завет, ища у Матфея. Нашёл: "Вы свет мира. Не можете укрыться городъ, стоящий на верху горы. И зажегши свечу не ставяте ее подъ сосудомъ, но на подсвечнике, и светит всемъ въ доме. Такъ да светит светъ вашъ предъ людьми, чтобы они видели ваши добрыя дела и прославляли Отца вашего небеснаго" (Матф. V, 14-16).

Длительные размышления над священными текстами давно уже помогали Сквороде находить ответы на животрепещущие вопросы. Вот и в этот раз он вполне понимал Учителя, желавшего поведать, что слова "Вы свет мира" поучают *избранных* широко распространять воспринятый ими свет. Иисус предостерегал их не прятать свет Истины под покровом условностей, а жить и действовать так, чтобы мир, чтобы люди замечали свет внутри их - Свет Духа - и при его лучах нашли бы верный путь. Человек, в котором духовный свет горит, может возбудить свет разума в других. Свет из познаний возгорается от лучей Духа, исходящего из какой-нибудь души или посредством слова, или Писаний, или личного общения. Духовность заразительна! Распространяйте духовность, - вот что хочет

сказать Учитель.

Григорий Саввич продолжал размышлять над развитием темы, а рука сама выводила одно за другим на листе бумаги соответственные слова, соединяя их в предложения, соединяя предложения, пронизанные светом постигающего знания. Завершая абзац, он написал подобно как у Матфея: “Вы свет міра”. Но остановил перо, задумался, зачеркнул последние слова, и чувствуя в себе какой-то пока неизвестный, но в последнее время всё чаще проявляющийся голос, дал свободу руке, которая вывела на листе: “Вы есте свет мыру, сієсть солнце”. Прочитав, Григорий Саввич удовлетворённо улыбнулся и начал с новой строки: “О лицемеры!”. Несколько погодя он встал из-за стола и вышел в сад к пчёлам, которые, тихо жужжа, неустанно продолжали делать каждая своё небольшое, но важное для всех дело.

Присев на достаточно сгнивший уже пенёк, Григорий Саввич вновь предался воспоминаниям. Почему-то нынче его снова не отпускал тот удивительный человек из далекого времени его европейского житья-бытья. Вспомнилась толстая рукопись, с которой не расставался Хофуку: “Основы Миросозерцания Индийских Йогов”. Книгу эту он часто ему цитировал, настаивая на том, что существует лишь одна истинная Оккультная Философия. Именно от него первого и услышал Сковорода последовательное изложение оккультной философии, никогда окончательно не исчезавшей в европейской культуре, хотя и сильно потеснённой развивающимися светскими науками. Хофуку утверждал, что как раз эта философия проявляется повсюду: стоит постигнуть Истину, и тогда она послужит ключом к раскрытию различных дверей, ведущих к тайной фазе одной и всех религий и философий. Много веков тому назад отцы-йоги разрешили загадку Вселенной, и с тех пор наивысшие устремления человеческого разума лишь подтверждали, доказывали и поясняли основную Истину, высказанную этими достопочтенными мудрецами.

Вновь и вновь возвращаясь к тому дивному и плодотворному периоду своей жизни, философ доставал из своей памяти слово за словом. Перевернул лист, на котором сейчас писал, и почувствовал, что и фразу: “Он преобразуется во владыку всех тварей, в солнце” тоже написал практически механически. Почему?

И как это несколько раз случилось в последние дни, пред ним точно воочию предстал улыбающийся Хофуку, который говорил:

- Всё дело в том, как мы развиваем наши тела. Плотское наше тело подчинено огромной массе физических законов, оно состоит из земных материалов, и после смерти прах наш возвращается в прах земной. Природное наше тело - это второе тело, оно более долговечно при определённых условиях. Иначе это тело можно назвать эмоциональным или звёздным. Его можно и должно развивать. Будучи развитым, оно выводит человека из-под власти земных законов. Впрочем, человек и без природного тела может производить впечатление духовной особы, обманывая и самого себя, и окружающих.

- Каждому человеку под силу развить природное тело? - спрашивал Сковорода.

- Нет. Есть люди с физическими и психическими изъянами, - им это

недоступно. Но и из числа способных к этому лишь единицы реализуют свои потенции. Но неизмеримо более трудно развить в себе тело третье - духовное или ментальное. Если это удаётся человеку, он добивается того, что все его мыслительные функции повинуются сознанию и воле. И тогда этот человек обретает такое тело, которое состоит из материи Солнца, что позволяет ему существовать уже и после смерти менее долговечного звёздного или природного тела.

- Человек сам становится солнцем!? - вдохновенно и даже восторженно переспросил Сковорода.

- Да, он, подобно Солнцу, становится владыкой всех тварей... - внимательно всматриваясь в глаза Сковороде, сказал Хофуку. - Но это ещё не всё...

Долго и умно учили тогда Сковороду Хофуку и Текей науке формирования высших тел. И многое удалось.

Вспомнилось Григорию Саввичу и то, как четко, исходя из основ своего оккультизма, Хофуку обсудил блаженства Нагорной проповеди Учителя, по записям Матфея. В одну из тех нескольких встреч-бесед, которые Сковорода провёл с Хофуку, он спросил его, как тот понимает суть блаженств. Судя по тому, что тот стал объяснять, ни на мгновение не задумавшись, тема была ему либо известна ранее, либо она была в русле привычного ему учения.

- Начнём с первого? - спросил он. - "Блаженны нищие духомъ, ибо ихъ есть Царство Небесное".

- Да, - подтвердил Сковорода.

- Грегор, пойми, этими словами Иисус указывал на Сокровенное Учение, что тот, кто откажется от тщетной славы и мелкого честолюбия сего міра, окажется на пути Самосознания, сознания чего-то Внутреннего - Духа.

Первым порывом, который обуял Григорию, было желание спорить. Он вспомнил "Православное Исповедание..." Петра Могилы, его обширные толкования всех девяти блаженств. Митрополит Киевский определённо говорил о том, что первое блаженство содержит в себе учение о богатстве и вещах мирских: если они приходят к кому обильно, по благодати Божией, тот должен ими пользоваться не так, как полный господин их, но как управитель, и не должно желать их с чрезмерною жадностью сердца...

Уже было начав возражать, Григорий удержал себя. Он понял, что Пётр Могила остановился на первой части толкования, глубоко разъяснив материальное, но ничего не сказав о Духе, подобно, как это сделал Хофуку вслед за столь чтимыми им отцами-йогами.

- А второе блаженство: "Блаженны плачущіе, ибо они утешатся", как ты объяснишь? - обратился Сковорода к Хофуку.

- И этими словами Иисус указывал на оккультное учение, что те, которые настолько продвинулись, что сознавали безумие человеческого тщеславия и соответственно страдали, как все стоящие над міром, над толпой, и горевали, сознавая безумие и тщетность всего, для чего люди так усиленно борются, в конце концов получают утешение "в покое, превышающем всякое постижение", даруемом лишь тому, кто сознаёт Царство Небесное в самом себе, - пояснил Хофуку. - Вспомни, Грегор, в сколь разных контекстах поясняет Иисус, что есть Царствие Небесное.

Многое уяснил для себя Сковорода из общения с Хофуку, и сейчас, замислив и писательский свой труд, и новый образ жизни, он настойчиво двигался по избранному пути.

От воспоминаний надо было уходить, ибо спокойное течение мыслей, с которым он пребывал в уединении, на этот раз было прервано приходом Земборского.

- Григорий Саввич, я вот всё ношусь с теми мыслями, которые мы с тобой вчера обсуждали, - начал тот с места в карьер. - Ты закончил тем, что сон, в котором протекает наше бытие, - особенный сон. Мы живем, точно замороженные...

- Да, действительно, многое мешает нам пробудиться от условностей материальной жизни, - меланхолично поддержал Сковорода гость, ещё вполне пребывая в плену своих воспоминаний.

- Но я вот ещё почему пришёл с утра пораньше, - замялся Земборский. - Григорий Саввич, книжечку тут я вчера нашёл в своих бумагах, а откуда попала ко мне, не помню. Взгляни, что это за евангелия такие новые объявились?

Земборский подал Сковороде тонкую книжечку в одну восьмую листа. Судя по качественному переплёту, чувствовалось, что переплетали её с любовью. Григорий Саввич взял в руки книжку. Листы её были исписаны чётким полууставом, заглавные буки выписаны в цвете. Прочитал: "Евангелие от Фомы". Начал не спеша перелистывать, и вдруг, точно какая-то сила остановила его взгляд на том, что он только что уяснял для себя: "Иисус сказал: Будьте прохожими". И снова память услужливо подсказала ему то, что забылось. Вспомнил Сковорода как Хофуку говорил ему об этом евангелии, а также и о другом - от Филиппа. И это - "Евангелие от Филиппа" - оказалось в книжечке. Но прежде, чем Сковорода перевернул страницу, с которой оно начиналось, взгляд его остановился еще на одном стихе: "Иисус сказал: тот, кто нашел мир и стал богатым, пусть откажется от мира". Тексты заинтересовали философа, и он продолжал листать и перелистывать.

Земборский с интересом наблюдал над тем, как Сковорода листал книжку, как переворачивал страницы, возвращаясь к прочитанному. Наконец он не выдержал и спросил:

- Интересные евангелия? Встречался с ними раньше?

- Слышал о таких, но читать не доводилось, Василий Михайлович. Многое из написанного здесь мы найдём в четырёх известных, но есть мысли свежие, которые требуют внимания... Оставишь мне книжку на время?

- Конечно, читай. Но, будь добр, ответь мне на те вопросы, которые вчера мы с тобой начали обсуждать.

- Да, - поддержал его Сковорода, - мы вчера говорили о том, что надобно пробудиться человеку, но прежде надо понять, что сон, в котором протекает наше бытие, - особенный сон.

Здесь Сковорода остановился, собрался с мыслями и начал объяснять Земборскому, что сразу пробудиться полностью невозможно. Сначала надо научиться пробуждаться ненадолго, понять, что есть силы, которые этому препятствуют. Эти силы держат нас в состоянии очарования, поддерживают наши фантастические видения, понуждают нас постоянно обольщаться тем

или иным, входить в разные образы, иначе говоря - воображать.

И снова остановился Сковорода, и снова ему вспомнился Хофуку, и вспомнилось то яркое слово-понятие, которому он учил: *кундалини*. Но упоминать в разговоре с Земборским кундалини он не стал.

- Сжигает человека сила воображения, Василий Михайлович. Фантазии порой оказываются сильнее мира живого, мечтания воодушевляют человека, и забывает он о мире реальном, и остаётся он в нынешнем его состоянии. Но когда человек по-настоящему проснулся, когда пришел в ужас от того положения, в котором он есть, тогда он готов к тому, чтобы “умереть”! Ну а уж потом человек способен и родиться к новой жизни. Но это трудно.

- Понятно, Григорий Саввич, почти понятно, - поправился Земборский. - Но тогда возникает ещё один вопрос - о смысле, о цели жизни и прочая, и прочая.

- Верно, поэтому и оснований для пробуждения человек не находит. Но и начав, человек видит, что сколько бы усилий он не прилагал, всё остается таким, каким было. И он останавливается... Ты сам, Василий Михайлович, должен для себя установить, чего ты хочешь более всего на свете.

- А ты, Григорий Саввич, ты для себя остаточно установил?

- Установил, установил, - улыбнулся Сковорода.

Оба они молча присели на колоду, задумались. Сковорода, точно продолжая отвечать Земборскому, вспомнил давешнее письмо, которое он писал Михаилу Ковалинскому вскоре после своего очередного дня рождения. Всякий натус, который всем сердцем искал божественную истину, несомненно найдёт и увидит то, что увидеть могут глаза не всех людей, а лишь блаженных. Познание истины - завершение всего ибо она самая приятная из всего. Иметь в себе Дух Святой - это означает видеть Истину Божию, которая единственно и есть Истина. Если её видели Аристотель и его последователи, то они - блаженные, если нет, они *безумные философы*. Я же твёрдо знаю, что я всего себя посвятил исканию одной лишь божественной истины. И я уверен, что в конце концов успех будет, ибо чего не победит честный труд? И разве не приятно трудиться, когда мы рождены для этого?

Сковорода посмотрел на задумавшегося Земборского и заметил:

- Если во мне нет ничего, кроме жара сердца моего, то я доволен этим, так как *страстное желание* божественной истины происходит от Святого Духа. Этим я живу, над этим с охотой тружусь день и ночь, в этом я решил, дорогой Василий Михайлович, умереть, хотя я уже ранее умер для *мира*, чтобы когда-то подняться во славу с Христом.

- Жаль, Григорий Саввич, - *я не таков*, - с грустью отозвался Земборский. И подумав, добавил, - *пока не таков*.

- Но ты можешь стать таков, - заметил Григорий Саввич. - Выгони из груди всякую смертную заботу, вымой грязь из сердца. Грязь - это то, что земное, а что видимое, то земное. Если ты зажжешь в своей груди огонь настоящий и искренний, то сгорит всё, что в ней есть земного, чтобы ты когда-нибудь стал чистым сердцем и увидел Бога, *Бога и Истину*, которая делает блаженными те глаза, которые её узрят.

- погоди, погоди, это ты прямо как из Матфея. Как это там, дай

припомнить. А, вспомнил: “Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ”.

- Истинно, истинно, сие есть обращение Учителя, его уверение, что “непорочным всё непорочно”, - что непорочность собственного сердца и признание Внутреннего Бога ведёт к познанию Бога во всём. “Кто познал Бога в себе, познает Его во всём”, сказал древний персидский писатель. И истинно тот познает Бога, где Он существует, а это *везде*.

- Понятно теперь ты говоришь, Григорий Саввич, да трудно сие к исполнению, - с нескрываемой горечью отозвался Земборский.

- Нет, не трудно, если подумать. Я когда-то писал своему любезному юному другу: приучи себя к тому, чтобы каждодневно через глаза или уши попадало в твою душу что-то не только из Святого Письма, а и то, что увидишь из случайных событий, пережевывай, размалывай и, насколько сможешь, претворяй в питательный и спасительный сок, как животное, которое должно быть принесено в жертву *Богу*. Для тех, кто исполнен духом искания истины, Бог даже из бесплодных скал творит божественную и самую прекрасную поросль.

- Спасибо тебе, Григорий Саввич, за дружеские напутствия. Необычный ты человек, и слова многие твои необычны, хотя внешне и звучат просто... Да наука твоя трудна. Многое, наверное, передумал ты, прежде чем смог мне всё это поведать так связно и легко. Спасибо!

- Бывай, друже, Василий Михайлович. А я пока возвращусь к любезной моему сердцу Библии, подумаю, что-то и запишу...

Земборский ушёл, а Сковорода продолжал сидеть и думал о том, следовало ли вообще столь пространно говорить со своим гостем о вещах тайных, о святыне.

Снова вернула его память в то время, когда с жарким доверием отнёсся он к мудрости Хофуку и многознанию его, пронизанному светом постигающей оккультной философии. И товарища Хофуку вспомнил - Текея.

- Грегор, - говорил Текей, - пойми, что самое важное в деле познания заключается в том, чтобы владеть собственным физическим телом. Если твоя посадка тяжела, ты утратишь своё “я”, твой ум станет где-то бродить, и в твоём теле не будет тебя. Так не годится! Мы должны существовать вот здесь, именно сейчас. Всё должно существовать в нужном месте и правильным образом, тогда нет никаких проблем. Когда наши тело и ум будут в порядке, всё прочее окажется в нужном месте и будет существовать правильным образом.

И пристально глядя ему в глаза, Текей молвил:

- В этом заключается секрет буддизма.

И хотя и Хофуку, и Текей были странствующими людьми, Сковорода ясно понимал, что они были цари, не скитальцы. И тогда, от них, пошла у Григория та неуёмная просветлённая жажда искания Истины, которая и поныне вела его по жизни. И с тех пор понимал он то, о чём писали и Лука, и Матфей, и Марк, ссылаясь на Учителя: “Истинно говорю вамъ: есть некоторые изъ стоящихъ здесь, которые не вкусятъ смерти, какъ уже увидятъ Царствіе Божіе, пришедшее въ силъ?” (Марк IX, 1).

И царственность была не только в словах, но и во всём поведении буддистов. Царство Небесное, Царство Божие для них означало внутренний круг человечества, избранных, знания и идеи этого круга. Хофуку учил Григория тому, что Святое Царство существует только для царей и священнослужителей.

- Грегор, я спрашиваю тебя, - пронизывая своим взглядом Сквороду, спрашивал он, - священнослужитель ты или нет? Царь ты или нет? Монархи науки - вот князья истины, и их власть скрыта от толпы, как и их молитва. Цари науки - это люди, которые знают истину, и которых истина сделала свободными согласно особому обетованию, данному самым могучим из всех посвятителем - Иисусом.

И порадовался нынче за себя Григорий Саввич, что неустанно шёл по пути истины, что понял всех тех достойников, с которыми свела его жизнь в годы приобщения к европейской науке в университетах Вены, Праги, Кракова, а и просто в "университетах", всех, кого следовало слушать. И понял он, чтобы достичь Царства Священного, должно соблюсти несколько условий: разум, просветлённый изучением; неустрашимость, которую ничто не в состоянии остановить; воля, которую невозможно одолеть; благоразумие, которого ничто не может отменить.

Солнце давно перевалило уже за полдень, наступила самая жаркая часть июльского дня, когда Скворода встал с колоды и отправился в дом. Сел за стол, разложил листы "Разговора 7-го о истинном человеке или о воскресении". Первая страница последнего листа была почти исписана, хотя места оставалось ещё довольно для трёх строк.

Философ начал писать: "Сего-то *человека*, если кто уразумел, тот и возлюбил и сам взаимно любезным зделался и едино с ним есть..."

Перевернув лист, продолжил: "... так как прилепившийся брению и сам есть землею и в землю возвращается. А познавший нетленного и истинного человека не умирает, и смерть над ним не обладает, но со своим господином верный слуга вечно царствует, раздевшись, как из обветшалыя ризы, из земныя плоти, надев новую, сообразну его плоти плоть, и не уснет, но изменяется, приняв вместо земных рук нетленные, вместо скотских ушей, очей, языка и протчих всех членов истинныя, сокровенныя в Бог?...".

Вандишев В.М.

Григорій Скворода: на шляху до духовного усамітнення

У статті розглядаються світоглядні засади видатного українського філософа Григорія Сквороди.

Vandyshev V.N.

Grigory Skovoroda: on the way of spiritual solitude

World outlook sights of outstanding philosopher Grigory Skovoroda are shown in this work.

Отримано 18.11.2010

